

Самообразоваііе
И
КНИГИ.

МЫСЛИ ЛУЧШИХЪ ЛЮДЕЙ

КНИГА
1-я.

„Знать хорошее
важнѣе, чѣмъ знать
многое“.

С. Воскресенскій.

7066

Рк 76.14

В 46

Мистецтво

27. НОЯБ 1907

А. А.

Книга 1-я.

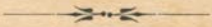
Самообразование

И

КНИГИ.

„Знать хорошее важнѣе,
чѣмъ знать многое“.

Руссо.

МЫСЛИ ЛУЧШИХЪ ЛЮДЕЙ.

С. Воскресенскій.

КІЕВЪ.

Типо-литографія „ПРОГРЕССЪ“, Подвальная, 2, противъ зол. воротъ.
1903.

Дозволено цензурою. Київ, 5 Февраля 1903 г.

1092617

фрм

**Херсонська обласна
універсальна
наукова бібліотека
ім. Олеса Гончара**

**КОНТРОЛЬНИЙ
ПРИМІРНИК**

КНИГИ.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное!
Сѣйте!—Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій (и всякій) народъ.

Неврасовъ.

„Вся литература, все науки бесполезны
и даже вредны, если они не помогаютъ намъ
быть истинно счастливыми“.

Рёскинъ.

Самый полезный, самый сердечный, самый безкорыстный и неизмѣнный другъ и наставникъ человѣка есть хорошая книга. „Чтеніе хорошихъ книгъ возвышаетъ душу человѣка, просвѣщаетъ его умъ и открываетъ ему пути къ истинѣ и добру“. (*Мартэнъ*). „Ибо въ нихъ мы получаемъ отборнѣйшія мысли лучшихъ и гениальныхъ людей, которые ведутъ съ нами бесѣду и вливаютъ въ насъ часть своей души“. (*Чаннингъ*). И если внутренній міръ жизни человѣка есть, по большей части, міръ его мыслей, то, значить, „тотъ никогда не бываетъ одинъ, кто бесѣдуетъ чрезъ книги съ лучшими

людьми, — кого сопровождают благородныя мысли, почерпаемая изъ ихъ твореній. Лучшія книги въ этомъ случаѣ есть сокровищницы хорошихъ словъ и золотыхъ мыслей, которыя воспоминаемая и любимая, становятся постоянными нашими товарищами“. (*Смайльсъ*). Человѣкъ получающій и изучающій хорошія мысли, заключенныя въ твореніяхъ великихъ людей, невольно проникается ими, часто ихъ воспоминаетъ и невольно же воплощаетъ ихъ въ своей жизни и дѣятельности, иначе сказать, идетъ по пути къ совершенству, постепенно облагораживаясь. „Книги говорятъ съ нами безъ всякаго пристрастія, безъ лести и боязни“. „Онѣ являются нашими неліцемерными собесѣдниками во время нашего одиночества, болѣзни или горя, ободряя и успокаивая насъ“, и нашими помощниками и наставниками въ доброй жизни и самоусовершенствованіи. Поэтому ничто не можетъ замѣнить намъ книги. Никакія богатства въ мірѣ не въ состояніи окупить тѣ благодѣянія, которыя намъ оказываютъ пріисведенія великихъ людей, живыхъ или уже давно умершихъ, — людей, искренній и дружескій, любящій голосъ которыхъ достигаетъ до насъ и зоветъ насъ къ лучшему и благородному, открываетъ и указываетъ намъ путь къ высшему счастью.

„Книги составляютъ міръ совершенно особый, пріятный и въ то же время полезный, вокругъ котораго могутъ обвиваться наше счастье и наши радости. Люди часто открываютъ существующее между ними взаимное

сродство по той любви, которую оба питають къ одной и той же книгѣ, точно такъ же, какъ человекъ часто обрѣтаетъ себѣ друга, раздѣляя съ нимъ свое удивленіе къ третьему лицу“. „Книга служить даже болѣе прочнымъ и благороднымъ союзомъ между людьми. Люди могутъ думать и понимать одинаково и сочувствовать другъ другу чрезъ посредство ихъ излюбленнаго автора. Они нераздѣльно живутъ въ немъ, а онъ въ нихъ“.
(Смайльсъ). *)

„Всѣ любители чтенія—писатели и ученые—всегда относились къ книгамъ, какъ къ истиннымъ своимъ друзьямъ“. „Я имѣю друзей, говоритъ Петрарка, общество которыхъ чрезвычайно пріятно; эти друзья существовали, какъ въ предыдущіе вѣка, такъ живутъ они и нынѣ; эти друзья разсѣяны по различнымъ странамъ міра, но доступъ къ нимъ чрезвычайно, легокъ и всегда они къ моимъ услугамъ; я принимаю ихъ или отказываюсь отъ ихъ общества тогда, когда мнѣ это угодно. Они не беспокоятъ меня и всегда готовы отвѣтить на любой вопросъ, заданный мною. Нѣкоторые изъ этихъ друзей объясняютъ мнѣ событія прошлыхъ вѣковъ, тогда какъ другіе раскрываютъ предо мною великія тайны природы; одни изъ нихъ учатъ меня, какъ жить, другіе—какъ умирать. Одни изъ нихъ своею занимательностью прогоняють мою скуку и пріятно

*) „Характеръ“ стр. 284,285.

возбуждаютъ мой упавшій духъ, тогда какъ другіе укрѣпляютъ мой умъ и даютъ мнѣ мудрый совѣтъ, какъ обуздать свои страсти и надѣяться во всемъ только на собственныя свои силы“.*) „Когда мы читаемъ, мы можемъ быть, если захотимъ, не только царями и жить во дворцахъ, но, что еще лучше, можемъ переноситься въ горы или на берегъ моря и посѣщать прекраснѣйшія страны, безъ утомленія, неудобствъ или расходовъ. Книги, дѣйствительно, надѣляютъ насъ цѣлымъ очаровательнымъ дворцомъ мыслей. Никто не можетъ провести часа за чтеніемъ хорошей, интересной книги, не сдѣлавшись отъ того лучше и счастливѣе, и не только на это время: воспоминаніе о немъ остается въ видѣ запасовъ свѣтлыхъ и удачныхъ мыслей, къ которымъ мы можемъ обращаться, когда захотимъ“.***) „Хорошія книги замѣняютъ общество людей, устанавливають духовную связь человѣка со всѣмъ тѣмъ, что есть лучшаго и великаго, присущаго роду людскому. Еще не велика бѣда, если я бѣденъ. Еще не великое горе, если мой богатый сосѣдъ не посѣтитъ моего убогаго жилища. Но если меня посѣтятъ и поселятся подъ моей кровлей великіе писатели, если черезъ порогъ моего дома переступитъ Мильтонъ, чтобы воспѣть блаженства Рая, если Шекспиръ откроетъ мнѣ новыя міры воображенія и раскроетъ изгибы человѣческаго сердца, а Франклинъ

*) Леббокъ. „Успѣхи и радости жизни“ Стр. 34.

***) Леббокъ. „Какъ надо жить“.

обогащать мой умъ своею практическою мудростью, тогда я не буду жаловаться на отсутствіе общества, тогда я могу стать человѣкомъ образованнымъ, хотя бы даже и не имѣлъ доступа въ такъ называемый лучшей кругъ общества“. (*Чаннингъ*).

* * *

„Книги по сущности безсмертны. Онѣ принадлежать къ числу самыхъ долговѣчныхъ произведеній человѣческой дѣятельности. Храмы разрушаются, статуи и картины погибаютъ, но книги продолжаютъ жить. Время ничего не можетъ сдѣлать великимъ мыслямъ, которыя такъ же свѣжи и теперь, какъ тогда, когда въ первый разъ, много вѣковъ тому назадъ, зародились въ умѣ своихъ творцовъ. Что было когда-то подумано и сказано, то теперь также живо говорится намъ печатной страницей. Время сдѣлало только то, что отдѣлило и отвѣяло дурныя произведенія, ибо въ литературѣ долго жить можетъ только то, что дѣйствительно хорошо“. (*Смайльсъ*. „*Характеръ*“). „Великій духъ мертвыхъ управляетъ нами и теперь,—Сократъ, Платонъ, Декартъ и Локкъ продолжаютъ жить въ философіи, Гомеръ, Виргилій, Данте и Шекспиръ—въ поэзіи, Аристотель, Галилей, Ньютонъ и Лавуазье—въ наукѣ, тогда какъ современныя имъ власти, консулы, президенты и т. п. давно уже забыты“.*)

„Поэты и мыслители долговѣчнѣе героевъ сраженій: они болѣе ихъ дышутъ воздухомъ безсмертія.

Умершіе писатели еще живутъ въ своихъ сочиненіяхъ; между тѣмъ какъ отъ завоевателей сохранился только пепель въ урнахъ. Сочувствіе, если можно такъ выразиться, мысли къ мысли болѣе глубоко и жизненно, чѣмъ сочувствіе мысли къ дѣлу*.***) „Великіе люди древности, увеличивая накопленные продукты ума, увеличивали наслѣдство нашего поколѣнія. Прибавляя свой личный трудъ къ общей работѣ предшествующихъ поколѣній, они пріобрѣтали значеніе величайшихъ благодѣтелей человѣчества“. „Книги ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ величайшими, изъ когда либо бывшихъ, умами. Мы слышимъ, что они сказали и сдѣлали; мы видимъ ихъ предъ собою, какъ будто бы живыхъ еще; мы являемся соучастниками въ ихъ мысляхъ; мы сочувствуемъ имъ, съ ними радуемся, съ ними печалимся, ихъ опытность становится нашею опытностью. Заключенный въ книгахъ духъ вѣчно живетъ. Книга есть живой голосъ: это—разумъ, говорящій другому разуму“. „Самый скромный и самый бѣдный можетъ войти въ общество великихъ умовъ и не быть сочтеннымъ непрошеннымъ гостемъ. Всякій грамотный имѣетъ право входа въ царство ума“. (Смайльсъ).

„Тѣмъ не менѣе первоначальные и настоящіе источники познанія—не книги, а жизнь, опытъ, собственное мышленіе, чувствованіе и дѣяніе. Если начать съ этого,

*) Смэйльсъ. „Умъ и энергія“. Стр. 37.

***) Смэйльсъ. „Характеръ“. Стр. 320.

то книгами могутъ быть восполнены многіе пробѣлы, исправлены многія неточности, улучшены многія несовершенства; но если человѣкъ работаетъ безъ живого опыта, то книги для него тоже, что дождь и солнце для необработанной почвы“. (*Блекки. „О самовоспитаніи“*).

„Тѣ, которые начитались книгъ, суть ученые; но мыслители, гении, просвѣтителі міра и двигатели чело-вѣчества,—это тѣ, которые читали непосредственно въ книгѣ вселенной“. „Самобытный мыслитель именно только въ послѣдствіи знакомится съ авторитетными для его мнѣній писателями, которые ему тогда служатъ для подтвержденія его мыслей и для собственнаго подкрѣпленія“. (*Шопенгауеръ*).

„Лучше держать себя, насколько возможно, въ независимости отъ этихъ бумажныхъ пособій, учиться непосредственно у природы, т. е. наблюдая ее, незамѣтно расти въ сильномъ мышленіи и чувствованіи подъ освѣжающими вліяніями играющей вокругъ насъ природы“. „Въ нашъ вѣкъ, когда весь міръ находится въ локомотивномъ движеніи, на ученаго, сидящаго все дома и поучающагося изъ однѣхъ только книгъ, всѣ здравомыслящіе и энергичные люди должны смотрѣть, какъ на никуда негоднаго хворыша и смѣшнаго чудака“. (*Дж. Блекки*).

„Есть не мало людей, говоритъ тотъ же писатель, представляющихъ собой родъ чело-вѣческихъ омаровъ; они заключены въ твердой скорлупѣ, состоящей изъ

какой-нибудь профессиональной, церковной, политической или научной коры, и осторожно ползутъ своей дорогой по избитымъ колеямъ, далѣе которыхъ желанія ихъ не простираются. Жизнь такихъ людей скудна и неспособна къ расширенію. Поэтому, пусть юноша пуше всего остерегается замыкать себя въ опредѣленный кругъ симпатій и относиться къ другимъ съ неразумной ненавистью и предразсудками, почерпая свои знанія изъ однѣхъ лишь книгъ, безъ наблюденія и изученія окружающей его природы и жизни“.*) „Дѣйствительная жизнь дѣйствуетъ на нашъ умъ всегда сильнѣе, чѣмъ книжная фантазія“. Не все только для насъ одинаково понятно въ жизни, не все видно, а главное—не такъ тѣсно и сжато сгруппировано, какъ въ книгѣ. Сила впечатлѣнія сочиненій зависитъ единственно отъ этого послѣдняго.

* * *

„Всѣ словесныя сочиненія, по ученію Л. Толстого, и хороши, и нужны не тогда, когда они описываютъ, что было, а когда показываютъ, какъ должно быть; не тогда, когда они рассказываютъ то, что дѣлали люди, а когда оцѣниваютъ хорошее и дурное, когда показываютъ людямъ путь жизни“. „Уясненіе нравственнаго закона есть не только главное, но единственное дѣло человѣчества“.**)

*) Блекки. „О самовоспитаніи“. Стр. 51, 58 и 79.

***) Л. Толстой. XII т. его соч.

Смайльсъ говорить: „изъ всего, что есть на свѣтѣ, для челоуѣка самый интересный предметъ есть челоуѣкъ“. „Исторія души челоуѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она — слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе, или удивленіе“. (*Лермонтовъ*). „Біографіи и автобіографіи великихъ людей представляютъ въ этомъ отношеніи наилучшій источникъ познанія челоуѣческой души и средство къ самоусовершенствованію“. (*Гончаровъ*, „*Обрывъ*“). „Не существуетъ, по мнѣнію Блекки, болѣе вѣрнаго способа сдѣлаться добрымъ и великимъ, чѣмъ раннее знакомство съ жизнью добрыхъ и великихъ людей. Непосредственное же соприкосновеніе съ истинно великимъ челоуѣкомъ будетъ для васъ величайшимъ счастіемъ. Если же вамъ не суждено испытать на себѣ животворную силу великаго нравственнаго солнца (какъ, на примѣръ, ученикамъ Христа), то вы все таки не предоставлены произволу окружающихъ васъ нравственныхъ вліяній“. „Учите жизнь историческихъ лицъ и живите, учите ихъ ошибки и избѣгайте, учите ихъ добродѣтели и, если можно, подражайте“. (*Гончаровъ*). „Изъ біографій великихъ людей мы выносимъ двоякую пользу: знакомимся разомъ и самымъ осязательнымъ образомъ какъ съ тѣмъ, что было совершено, такъ и съ тѣмъ, что слѣдовало совершить“. (*Блекки*). „Біогра-

фическіе рассказы приносятъ не одно только удовольствіе, испытываемое при чтеніи ихъ, но они служатъ намъ еще какъ бы географическими картами, указывающими тѣ опасныя мѣста на жизненномъ пути, которыхъ слѣдуетъ остерегаться". (*Мартэнъ*).

„Громаднѣе дѣйствительно интересъ, почерпаемый человекомъ въ чтеніи біографій. Честно и талантливо описанная жизнь имѣетъ вдохновляющее дѣйствіе на читателей. Она показываетъ, какое употребленіе можно сдѣлать изъ жизни. Она ободряетъ нашъ духъ, оживляетъ наши надежды, даетъ намъ новыя силы, увеличиваетъ наше мужество и усиливаетъ вѣру—вѣру въ другихъ и вѣру въ самихъ себя. Она побуждаетъ насъ къ дѣятельности. Жить съ такими людьми, читая ихъ жизнеописаніе, и чувствовать себя подъ вдохновеніемъ ихъ высокихъ примѣровъ, значить жить съ образцовыми людьми и вращаться въ избранномъ обществѣ. Лучшія беллетристическія произведенія по благотворности вліянія недалеко отстоятъ отъ біографій великихъ людей". (*Смайльсъ*). „Что такое всѣ романы, находящіе себѣ такое огромное число читателей, какъ не вымышленныя біографіи? Что такое драмы, на представленія которыхъ собираются толпы зрителей, какъ не біографіи въ дѣйствиіи? Странно только, восклицаетъ Смайлъсъ, что таланты болѣе даровитыхъ писателей, большею частію, посвящаются вымышленнымъ біографіямъ, и такъ много посредственныхъ способностей

идеть на составленіе настоящихъ“. По нашему же мнѣнію такое направленіе талантовъ приноситъ весьма значительную пользу, ибо въ романахъ и драмахъ писатели пріобрѣтаютъ наиболѣе обширный кругъ, поучаемыхъ ими читателей и зрителей; сухими же біографіями, интересъ къ которымъ имѣетъ ограниченное число читающихъ, они не сдѣлали бы и 10-й части того, чего достигаютъ чрезъ свои вымышленныя сочиненія, въ которыхъ сгруппировано тоже самое, что встрѣчается и въ жизни людей, но лишь въ разсѣянномъ видѣ: въ разное время и съ разными личностями.

* *
*

„Человѣка обыкновенно можно узнать по тѣмъ книгамъ, которыя онъ читаетъ, и по тому обществу, которое онъ посѣщаетъ; есть общество книгъ, какъ есть общество людей, и намъ бы слѣдовало всегда стараться жить въ наилучшемъ обществѣ, какъ книгъ, такъ и людей“. (*Смайльсъ*). А для того „мы должны быть чрезвычайно осторожны въ выборѣ чтенія и не принимать, какъ матросы Улисса, мѣха съ вѣтромъ за мѣшки съ сокровищемъ“. „Одно дѣло—владѣть бібліотекой, совершенно другое—разумно пользоваться ею“. „Я часто,—говоритъ Леббокъ,—удивлялся, какъ мало люди заботятся о выборѣ того, что они читаютъ. Книгъ, какъ извѣстно, безчисленное множество; но наши часы для чтенія, увы!—крайне ограничены. И все таки многіе читаютъ на обумъ, что попало“. А между тѣмъ мы

должны бы тратить золотое время лишь на хорошія книги. Хотя много растеть въ полѣ разныхъ цвѣтовъ, но не со всѣхъ ихъ пчелы берутъ свой медъ. Среди массы книгъ есть много такихъ, изъ которыхъ мы ничего не почерпнемъ, и къ которымъ вполне „можно примѣнить саркастическое замѣчаніе, сдѣланное, говорятъ, одному злополучному автору: я не буду терять времени на прочтеніе вашей книги“. (*Леббокъ*).—Книга книгъ рознь. На ряду съ произведеніями великихъ философовъ, умственная жизнь которыхъ охватываетъ весь широкій міровой горизонтъ „мы встрѣчаемся часто съ сочиненіями такихъ умственно узкихъ людей, которые зарываются по уши въ мелочи и точно муравьи совершаютъ маленькое путешествіе въ предѣлахъ своего муравейника, или точно кроты, расходующіе всѣ свои силы на устройство своей темной норки. Какимъ душнымъ показался бы этотъ кругъ крота и муравья для ласточки, перелетающей черезъ весь старый свѣтъ и живущей то въ Африкѣ, то въ Европѣ“. (*Амиель*). Есть и такія книги, которыя книгами-то даже назвать нельзя. Прочтешь иную книгу, иное беллетристическое сочиненіе и ничего въ немъ не встрѣтишь цѣннаго, живительнаго или высокаго. Оно не прибавитъ ни силы, ни свѣта для вашего ума, не подниметъ вашъ духъ, не укрѣпитъ волю и не облагородитъ васъ, потому что въ немъ вы находите лишь описанія самой завязтой будничной обстановки и жизни со всѣми ея дрязгами

и пошлостями, которыя и безъ того вамъ опротивѣли, и отъ которыхъ вы думали бы отрѣшиться, хотя на время, углубившись въ область литературы—въ это царство свѣтлой мысли. И вотъ здѣсь наталкиваетесь такъ часто какъ разъ на такія произведенія, которыя представляютъ изъ себя что то безвкусное, не питательное или даже низменное, цѣлый ворохъ соломы и ни зернышка настоящаго хлѣба для здоровой умственной жизни. Это уже не только книги бесполезныя, но прямо таки—балластъ и хламъ въ литературѣ; достойная участь такихъ произведеній—забвеніе и, затѣмъ, исчезновеніе ихъ изъ печати и книжнаго рынка.—Есть, разумѣется, такія книги, которыя слѣдуетъ читать, отмѣчать, изучать и, такъ сказать, усваивать себѣ. И чѣмъ шире поле чтенія, тѣмъ важнѣе, чтобы мы имѣли привычку пользоваться самыми лучшими книгами по каждому отдѣлу". (*Леббокъ*). „Такая похвальная привычка къ избранному чтенію можетъ сдѣлаться источникомъ величайшаго наслажденія и самоусовершенствованія чело-вѣка и можетъ оказать самое благотѣльное вліяніе на все содержаніе нашей жизни и характера. Масса книгъ, жадно поглощаемыхъ безъ всякой системы, столько же служить къ развитію читателя, сколько и просто для развлеченія. Слѣды, оставляемые подобнымъ чтеніемъ, также поверхностны и мимолетны, какъ впечатлѣнія, получаемыя отъ фигуръ въ калейдоскопѣ. Чтеніе нерѣдко нисходитъ на степень средства къ

умственному опьяненію, не оставляя ни малѣйшаго вниманія ни на выработку характера, ни на обогащеніе ума новыми свѣдѣніями. Думать, что подобное чтеніе способствуетъ развитію, значить самообольщаться; это не больше, какъ одно изъ средствъ убить время. Все что можно сказать самого лучшаго о подобномъ занятіи чтеніемъ, это то, что оно удерживаетъ отъ худшихъ дѣлъ“.*)

„Постоянное чтеніе, не сопровождаемое серьезнымъ обдумываніемъ и представляющее изъ себя не болѣе, какъ калейдоскопическую забаву для читателя, отнимаетъ у ума всякую упругость; во всякую свободную минуту тотчасъ хвататься за книгу—это вѣрное средство не имѣть собственныхъ мыслей. Подобный обычай и составляетъ причину, почему ученость нерѣдко дѣлаетъ людей бессмысленнѣе и простоватѣе“. (*Шопенгауеръ*. „Афоризмы“). Итакъ для того, чтобы чтеніе принесло намъ пользу, оно должно быть сопровождаемо дѣйствительной работой собственной мысли, чтеніе систематическое и посильное для ума, а главное—чтеніе преимущественно избранныхъ, лучшихъ произведеній. „Надо сознаться, пишетъ Леббокъ, что какое бы наслажденіе не доставляло чтеніе занимательныхъ книгъ, все таки, чѣмъ обширнѣе число подобныхъ книгъ, тѣмъ болѣе важно для нашего ума, чтобы мы пользо-

*) Бостремъ. „Великія силы“. Стр. 71.

1092617

вались лучшими сочиненіями въ каждой области литературы“. „Въ каждой области существуетъ лишь весьма небольшое число капитальныхъ сочиненій, относительно которыхъ остальные только подспорья, а иногда и паразиты, и служатъ первымъ скорѣе во вредъ, чѣмъ въ пользу. Сколько тысячъ, напимѣръ, и даже десятковъ тысячъ книгъ о христіанской религіи было написано и выпущено въ свѣтъ со времени повѣданія человечеству Евангелія. А между тѣмъ въ нихъ не содержится ничего новаго, ни лучшаго, чѣмъ въ самомъ Евангеліи; и еслибъ они завтра же всѣ исчезли съ лица земли, то христіанство отъ этого ни мало бы не потеряло. Поэтому, придерживайтесь капитальныхъ книгъ, оригинальныхъ сочиненій, родниковъ великихъ идей и благородныхъ страстей, и вамъ легче будетъ обойтись безъ тѣхъ многочисленныхъ томовъ посторонняго толкованія, которыми содержаніе подлинниковъ ихъ такъ же часто затемняется, какъ и освѣщается“.*) По мнѣнію проф. Гильти, „чтеніе первоисточниковъ приноситъ неоспоримо важную пользу именно тѣмъ, что оно даетъ большую увѣренность въ знаніяхъ и основательность въ сужденіяхъ, нежели чтеніе сочиненій, написанныхъ на основаніи источниковъ. При томъ, первые при своей сжатости и точности оказываются всегда гораздо интереснѣе, чѣмъ разбавленные водицей вторыя“.

*) Блекки. „О самовоспитаніи“, стр. 31, 32.

Достоинство книги опредѣляется какъ богатствомъ ея содержанія, такъ и ясностью изложенія. „Кто ясно мыслить, тотъ ясно и излагаетъ, говоритъ Шопенгауеръ. Ясность мышленія чувствуется уже по прочтеніи не многихъ страницъ писателя. Ибо этого достаточно, чтобы уже познакомиться съ его умомъ и съ его мнѣніями... Стиль тотчасъ даетъ намъ понятъ о манерѣ, гибкости и легкости, даже округленности его духа, или же, наоборотъ, о его неповоротливости, натянутости, пустотѣ и свинцовой тяжеловѣсности. Мы бросаемъ прочь книгу, какъ только замѣчаемъ, что съ нею мы очутились въ области болѣе темной, чѣмъ наша собственная; пусть даже мы ищемъ въ ней просто фактовъ, а не мыслей. Только тотъ писатель принесетъ намъ пользу, острота и ясность котораго превышаетъ нашу собственную, который ускоряетъ, а не задерживаетъ наше мышленіе, какъ иная тупая голова, которая вынуждаетъ насъ сопутствовать ей въ жабьемъ ползаніи мышленія“. Мыслить головою перваго писателя—значитъ получить умственное облегченіе и помощь, которыя принесутъ насъ туда, куда сами мы не могли бы достигнуть. Такъ, на примѣръ, авторъ романа „Противъ войны“ говоритъ: „прочитавъ соч. Бокля „Исторія цивилизаціи“, я чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, который всю свою жизнь провелъ въ узкой котловинѣ и вдругъ попалъ на вершину одной изъ окрестныхъ горъ, откуда открывается видъ на растянувшееся пространство

земли, съ постройками и садами, съ безбрежнымъ моремъ“.*) А Шопенгауеръ говоритъ, „что чтеніе страницъ изъ Канта приводило Гете въ такое же бодрое настроеніе духа, какъ будто бы онъ вступалъ въ свѣтлую комнату“. Такое впечатлѣніе зависитъ отъ ясности изложенія. „Всякій прекрасный и богатый мыслями умъ всегда будетъ выражаться наиболѣе естественно, безъ обиняковъ и ясно сообщить свои мысли другимъ. Наоборотъ, умственная нищета, запутанность, напыщенность будетъ рядиться въ изысканнѣйшія выраженія и темнѣйшія рѣчи, чтобы пышными фразами прикрыть тощія, ничтожныя и будничныя мысли, подобно человѣку, который, не имѣя величія красоты, хочетъ замѣнить этотъ недостатокъ одеждой“. (*Шопенгауеръ. „Лучи свѣта его философи“*. Стр. 57, 59).— Хотя у самого Шопенгауера въ предыдущей выдержкѣ стиль довольно угловатъ, но „не красота писательскаго слога, а правда чувствъ покоряетъ людей; она двигаетъ талантами, даетъ имъ силу искренности и убѣжденности, которая передаваясь, какъ электрическая искра, читателю, ускоряетъ бой его сердца, поднимаетъ волосы на его головѣ, вызываетъ въ немъ тотъ же высокій строй идей и стремленій, который вдохновляетъ и писателя“. (*М. Протопоповъ*). „Но къ прискорбію, говоритъ Шопенгауеръ, такихъ сочиненій въ литературѣ немного,

*) Бер. Суттнеръ. „Противъ войны“.

тогда какъ дрянныхъ книгъ, этихъ все заполняющихъ собою литературныхъ плевель, отнимающихъ пищу у пшеницы и ее заглушающихъ, безчисленное множество. Именно эти книги отнимаютъ время, деньги и вниманіе, которыя должны бы доставаться на долю отборныхъ произведеній. Девять десятыхъ всей нашей литературы не имѣетъ иной цѣли, какъ вытащить нѣсколько цѣлковыхъ изъ кармана публики. Поэтому такія книги не только бесполезны, но положительно вредны. Дрянныя книги — это интеллектуальный, умственный ядъ; онѣ портятъ умъ. Въ особенности беллетристическая „ежедневная пресса“ есть хитро придуманное средство отнимать у эстетической публики время, которое она должна бы была посвящать истиннымъ произведеніямъ искусства, для спасенія своего образованія и которое она даритъ поденнымъ кропаньямъ будничныхъ головъ. Что можетъ быть печальнѣе участи подобной беллетристической публики, которая считаетъ своею обязанностью постоянно читать „a tempo“, всегда новинки, чтобы имѣть въ своихъ кружкахъ матеріаль для разговора о нихъ; а произведенія рѣдкихъ превосходныхъ умовъ всѣхъ временъ и странъ знать только по имени. Поэтому, въ отношеніи къ нашему чтенію, искусство состоитъ въ томъ, чтобы не брать въ руки именно то, что въ данную минуту занимаетъ большинство публики, какъ-то: политическихъ и церковныхъ памфлетовъ, романовъ, стихотвореній и т. п. Слѣдуетъ думать, что, кто пишетъ

для глупцовъ, всегда находятъ массу читателей. Скупое отмѣрянное для чтенія время слѣдуетъ отдавать всегда исключительно произведеніямъ великихъ умовъ, выдѣляющихся изъ массы остального человѣчества, о которыхъ, какъ о таковыхъ, возвѣщаетъ голосъ славы. Только они дѣйствительно образуютъ насъ и поучаютъ“.*)

Въ нѣкоторыхъ беллетристическихъ сочиненіяхъ и особенно въ мелкихъ періодическихъ изданіяхъ весьма часто встрѣчаются описанія до мельчайшихъ подробностей пошлыхъ житейскихъ сценъ, двусмысленныхъ случаевъ или тяжелыхъ и гнусныхъ преступленій. Авторъ какъ будто ставитъ своею священной обязанностью преподнести глазамъ зрителей рядъ отвратительныхъ картинъ, срисованныхъ имъ съ грязной стороны жизни. Въ данномъ случаѣ онъ поступаетъ подобно тому, какъ если бы кто, желая показать пріѣзжему городъ, — вмѣсто доставленія ему возможности восхищаться изяществомъ и чистотой фасадовъ и богатствомъ внутренней отдѣлки лучшихъ зданій города, — повелѣлъ бы путешественника обзрѣвать въ каждомъ домѣ лишь задворки съ ихъ отбросами и всякимъ неяршливымъ хламомъ. Путешественникъ, конечно, ничего хорошаго не вынесъ бы изъ этого обзрѣнія, кромѣ развѣ того, что испачкался и пропитался бы разными

*) Шопенгауеръ. „Лучи свѣта его философіи“. М. 1886 г. Стр. 308—310.

міазмами. По такимъ именно нравственнымъ задворкамъ водять читателя и нѣкоторые изъ современныхъ беллетристовъ. И читатели, охотники до такихъ произведеній, едва-ли почерпнуть отсюда что-либо хорошее, кромѣ нравственнаго огрубѣнія, оскудѣнія и огрязненія. Какъ сосудъ, разъ налитый духами, долго еще благоухаетъ, такъ наоборотъ, хотя бы разъ наполненный дѣгтемъ, онъ уже на долго сохраняетъ и распространяетъ вокругъ себя смраднѣйшій запахъ этой жидкости. Отъ чловѣка, скушавшаго головку лука или чесноку, долгое время слышенъ специфическій запахъ этихъ корнеплодовъ. Всякій, начитавшійся подробныхъ описаній пороковъ и преступленій, о нихъ невольно думаетъ и говоритъ, и отъ него, естественно, вѣетъ духомъ поглощенныхъ имъ порнографическихъ произведеній.

А къ чему, спрашивается, писатели male-натуралисты разливають по бѣлу свѣту и всѣмъ преподносятъ на-показъ эту грязь заднихъ дворовъ,—вѣдь для ея очистки и уборки есть особые спеціалисты, ведущіе свое дѣло въ тиши и безъ огласки. Зачѣмъ-же всѣмъ намъ копать въ безнравственности нѣкоторой горсти падшихъ людей и задыхаться въ ея ядовитыхъ испареніяхъ? Зачѣмъ намъ мысленно переживать и слѣдовать за всѣми злоухищреніями преступниковъ; учиться ихъ ремеслу мы не желаемъ. Довольно для насъ знанія одного короткаго факта, чтобъ съ нимъ бороться и предохранять себя отъ зла; но нѣтъ надобности всѣмъ

пускаться въ разсмотрѣніе подробностей того или иного преступленія или нравственнаго безобразія. Надо думать, что „порнографическія произведенія написаны ихъ авторами или съ намѣреніемъ подладиться лишь къ вкусамъ людей неразвитыхъ и какъ бы предназначены къ тому, чтобы самыя прискорбныя и унижительныя явленія жизни обратить въ матерьялъ для развлеченія праздныхъ умовъ; или же—для того, чтобъ что нибудь да написать, и при томъ какъ можно больше и пространнѣе—ради большаго заработка за лишнія строки. Но лучше имѣть въ домѣ (или написать) одну хорошую вдохновляющую картину, чѣмъ десятки лубочныхъ произведеній.

„Непріятны также и печатаемые въ газетахъ подробные отчеты разбора дѣлъ въ полицейскомъ судѣ или подробныя сообщенія по всевозможнымъ преступленіямъ“. (*Чаннингъ*). Подробныя описанія житейской пошлости, безнравственности и преступленій, несомнѣнно, волей неволей оставляютъ соотвѣтствующій слѣдъ въ мозгу читателя и также *volens—volens*, при благопріятныхъ условіяхъ ассоціацій, всплываютъ затѣмъ въ сознаніи и фигурируютъ въ повседневномъ мышленіи человѣка, возбуждая въ немъ или инстинкты болѣе низкаго сорта, или же угнетающія и мрачныя представленія. Чѣмъ чаще человѣкъ будетъ наталкиваться на помѣшаемую въ печати моральную грязь и на грязь въ жизни, тѣмъ чаще будутъ проходить въ его головѣ мысли и представленія грязныхъ воспріятій. А отъ

этого нельзя ожидать умственного облагораживанія. Сознаніе непримѣтно, но неуклонно должно спускаться на болѣе низкую ступень достоинства; а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ постепенно формироваться соотвѣтствующій общему строю мыслей отпечатокъ на лицѣ, въ глазахъ, во всей внѣшней фигурѣ человѣка и на всемъ складѣ его характера и поступковъ. Поэтому, порнографическіе писатели, иллюстрирующіе двусмысленно житейскія пошлости, лишь вредятъ читателю, бросая грязь въ его сознаніе. Изображеніе беллетристикой, говоритъ Нордау, низменныхъ страстей, аномалій и нарушенія умственного и нравственного равновѣсія, будучи развернуто предъ умственными очами читателя, дѣйствуетъ на него, какъ внушеніе, служитъ ему особаго рода энциклопедіей, изъ которой онъ черпаетъ знаніе жизни и людей, и по образцу которыхъ онъ формируетъ себя“. „Беллетристика, особенно современная, представляетъ, напримѣръ почти сплошь нездоровыя формы любви или несостоятельность воли и ума, дошедшаго подъ вліяніемъ страсти до самой жалкой безхарактерности; при томъ, всѣ ненормальности проявленій этого чувства: капризы, чудачество, экзальтація и самоотреченія, мечтанія и страсти,—все это выводится въ качествѣ правильныхъ и нормальныхъ явленій жизни, безъ единого намека на то, что рѣчь идетъ о явленіяхъ ненормальныхъ и исключенійхъ. Подобный матеріаль для чтенія производитъ крайне вредное впечатлѣніе

даже на здороваго чловѣка, но еще болѣе интенсивнѣе дѣйствуетъ на нервнаго читателя, можетъ быть уже начинающаго утрачивать душевное равновѣсіе; особенно же губительное вліяніе оказываетъ онъ на юное поколѣніе, такъ какъ лишь мѣшаетъ естественной выработкѣ правильныхъ и чистыхъ идеаловъ, необходимыхъ юношеству для собственнаго руководства. Между тѣмъ чтобы правильно и пышно расцвѣсть, умственно душевный складъ юноши требуетъ условій, не только не вредныхъ и безразличныхъ, но прямо благопріятныхъ для себя; онъ долженъ воспринимать полезныя, т. е. возвышающія и облагораживающія впечатлѣнія, какъ пріятныя, и вслѣдствіе этого ощущать потребность въ ихъ повтореніи". (*Нордау. „Въ поискахъ за истиной“*).

Такой же и даже еще болѣе горячій протестъ противъ натуралистической порнографіи, разившейся въ современной беллетристикѣ, мы встрѣчаемъ въ одномъ замѣчательномъ письмѣ графини С. А. Толстой, помѣщенномъ въ „Новомъ времени“, по поводу статьи В. Буренина „Критическіе очерки“. Въ этомъ письмѣ С. А. Толстая говоритъ:

„Прекрасную статью г. Буренина въ № 9666 „Новаго времени“ такъ и хочется продолжать, прибавляя къ ней все больше и больше однородныхъ мыслей, все выше поднимая знамя за художественную чистоту и нравственную силу въ современной беллетристикѣ.

самъ на порнографію

Не читать, не прославлять, не раскупать надо сочиненія господь Андреевыхъ, а всему русскому обществу надо возстать съ негодованіемъ противъ той грязи, которую въ тысячахъ экземпляровъ разносить по Россіи дешевый журналъ и изданія фирмъ, поощряющихъ ихъ.

Если Максимъ Горькій внесъ много цинизма и наготы въ тѣ сцены, которыми онъ изображаетъ жизнь извѣстной среды, то въ нихъ всегда чувствуется сердечная скорбь за все то зло и страданія, которыя вносятъ нищета, невѣжество и пьянство падшаго челоѳчества; и авторъ, скорбя о падшихъ, знаетъ твердо, что хорошо и что дурно, и любить только хорошее.

Въ разказахъ же Андреева чувствуется, что онъ любить, наслаждается низостью явленій порочной челоѳческой жизни, и этой любовью къ пороку заражаетъ неразвитую, морально еще не окрѣпшую читающую публику и молодежь, не умѣющую разобраться въ жизни и тупо повторяющую излюбленную, бессмысленную фразу: „Да вѣдь это сама жизнь!“

Почему же глаза читателей должны быть обращены именно къ этой сторонѣ жизни? Какой огромный горизонтъ открыть передъ даровитымъ художникомъ для поэтическихъ изображеній такихъ явленій и сторонъ жизни, которыя не кладутъ ни малѣйшей тѣни порочныхъ впечатлѣній на души читателей.

Жалкіе новые писатели современной беллетристики, какъ Андреевъ, сьумѣли только сосредоточить свое

вниманіе на грязной точкѣ человѣческаго паденія и кликнули кличъ неразвитой, полуинтеллигентной читающей публикѣ, приглашая ее разсматривать разложившійся трупъ человѣческаго паденія и закрывать глаза на весь просторный, прелестный Божій міръ съ красотой его природы, съ величіемъ искусства, съ высокими стремленіями человѣческаго духа къ нравственному совершенству и къ великимъ идеаламъ прекраснаго. Всякій настоящій художникъ долженъ ярко свѣтити человѣчеству не въ сторону сочувствія грязи и порока, а въ сторону борьбы противъ нихъ, направлять сердца людей къ высокопоставленному идеалу добра.

Хотѣлось бы громко закричать на весь міръ этотъ призывъ и помочь опомниться тѣмъ несчастнымъ, у которыхъ эти господа Андреевы сшибаютъ крылья, данныя всякому для высокаго полета къ пониманію духовнаго свѣта, красоты и добра“.*)

На этотъ горячій и благой призывъ графини С. А. Толстой могутъ и должны прежде всего откликнуться тѣ же авторы беллетристы, ставъ сами себѣ истинно мудрыми цензорами своихъ произведеній. Этимъ путемъ они скорѣе всего могутъ оказать помощь, идя на встрѣчу, тѣмъ юнымъ и неопытнымъ несчастнымъ читателямъ, у которыхъ г.г. Андреевы своей литературной грязью облепляютъ крылья ихъ душевной чистоты и красоты

*) „Кіевлянинъ“. 1903 № 41.

и опутывая ихъ и сбивая съ добраго пути, тѣмъ самымъ мѣшаютъ имъ подняться къ высокому идеалу совершенства.

Такое самоцензирование беллетристовъ необходимо, во-первыхъ, въ виду того, что наиболѣе подробнѣйшія описанія и сцены, подобныя изображенной въ разс. Андреева „Въ туманѣ“—сценѣ во всѣхъ деталяхъ отвратительной и преступной,—производятъ не только удручающее впечатлѣніе, но и несомнѣнно вредное для формировапія нравственныхъ воззрѣній большинства средне-развитой и низшей читающей публики.*) Во-вторыхъ, такое самоцензирование нужно и для самихъ беллетристовъ, въ ихъ личныхъ интересахъ,—именно потому, что всякій авторъ невольно выдаетъ въ своемъ произведеніи самого себя, свое „я“, со всѣми присущими ему качествами; такъ какъ „всякое произведеніе, по мнѣнію Нордау, знакомитъ насъ только съ субъективнымъ міромъ его творца. Авторъ сознательно или безсознательно выдаетъ въ немъ свои мысли и чувства, раскрываетъ личныя впечатлѣнія, указываетъ, какія представленія наполняютъ его сознаніе.... Онъ будетъ творить всегда согласно влеченію и выдѣлять все, что его поражаетъ; его произведеніе не будетъ, слѣдовательно, дѣйствительностью таковой, какъ она есть, а таковой, какъ она

*) Выдержка такой возмутительной сцены (издѣвательство и убійство проститутки) помѣщена въ № 9666 „Новаго времени“ за 1903 г. „Критич. очерки“, В. Буренина.

ему представляется“. Такимъ образомъ „реалистическое направленіе“ отражаетъ идеи автора, его представленія о дѣйствительности, его интересъ къ ней, а не дѣйствительность саму по себѣ. Если бы писатель хотѣлъ воспроизвести жизнь, какъ фонографъ, или съ фотографической вѣрностью, его произведеніе не было бы созданіемъ искусства настолько, насколько остается картиной простое фотографированіе природы; такъ какъ жизнь одного человѣка въ теченіе одного дня можетъ служить матеріаломъ для тысячи томовъ, если мы будемъ воспроизводить всякое его чувство, мысль, слово, дѣйствіе, безотносительно къ ихъ значенію, если мы не будемъ дѣлать никакой выборки. А послѣдняя уже говоритъ о субъективности писателя“. „Возьмемъ, на примѣръ, реализмъ Э. Золя. Реализмъ въ его романахъ характеризуется ненормальнымъ обиліемъ грязи. Несомнѣнно, что каждую грязную сцену Золя, можетъ „доказать“, что грязь то именно прежде всего и бросилась ему въ глаза и каждому прежде всего въ глаза бросится. Понятно, отчего онъ копается въ грязи и заливаешь ею страницы цѣлыхъ романовъ,—онъ полонъ самой мертвящей предвзятости. Откажись Золя отъ пристрастія къ грязи, и его перестанутъ читать: до такой степени скученъ и безцвѣтенъ покажется имъ этотъ „натуралистъ“, оторванный отъ сорной кучи“.— „Однородный французскому натуралисту житейской грязи, нашъ русскій романистъ—психологъ Достоевскій

копается въ нравственной грязи и душевной ненормальности людей. Его герои—нравственно помѣшанные, идіоты, врожденные преступники, эпилептики и алкоголики, не только не могутъ научить уму-разуму читателя, но сплошь и рядомъ вліяютъ самымъ тяжелымъ образомъ на сознание учениковъ-читателей. Такіе писатели, какъ Золя и Достоевскій, останавливающиеся на ненормальности и исключеніяхъ жизни общества, только въ рѣдкихъ случаяхъ не могутъ не нанести вреда этому обществу; полезными же они никогда не будутъ“.*)

На вопросъ о выборѣ чтенія Мартэнъ говоритъ: „не достаточно еще охранять юношество только отъ книгъ и спектаклей болѣе или менѣе грубыхъ и не пристойныхъ, — можно сказать, что ихъ всѣ остерегаются, и лишь по небрежности родителей или воспитателей до дѣтей иногда доходятъ дурныя книги, или вслѣдствіе потворства ихъ водятъ въ театръ, гдѣ съ жадностью смотрятъ вещи, глубоко огорчающія порядочнаго человѣка. Но есть другія литературныя произведенія, въ которыхъ выражается разочарованіе, нравственный скептицизмъ, горькій жизненный опытъ; они вовсе не годятся для юношества, потому что могутъ убить его прекрасныя и плодотворныя иллюзіи, его рвеніе къ добру и вѣру въ него. Появленіе въ свѣтъ Гетевского „Вертера“ произвело, какъ извѣстно, нѣчто

*) Нордау, „Умирающая теорія“. Жур. „Наблюдатель“. 1894 г.

въ родѣ эпидеміи самоубійства. Но такъ называемая натуралистическая литература, съ ея безошаднымъ анализомъ, порѣшившая видѣть въ жизни одно безобразіе, безчестіе и испорченность способна произвести въ сердцахъ гораздо большее опустошеніе. Я не опасуюсь за души твердыя и мужественныя,—въ нихъ она можетъ возбудить любопытство или отвращеніе; ихъ она не затронетъ. Но я болѣе опасуюсь за души средней силы и слабыя. Обыкновенные литературные герои создаются по образцу современныхъ литературѣ людей, но бываетъ и наоборотъ. Общій духъ разслабляющей и унижающей литературы можетъ оказывать замѣтное вліяніе на нравственность, особенно въ пору юности, когда характеръ только еще начинается слагаться“.

(Мартэнъ. О воспитаніи характера).

Въ противоположность сочиненіямъ, деморализующимъ читателя, или же подрывающимъ въ немъ вѣру въ добро и колеблющимъ бодрость его духа, полнымъ безсодержательнаго набора словъ, мы имѣемъ въ литературѣ массу такихъ сочиненій, изъ которыхъ можемъ извлекать для себя огромную пользу. Они наполняютъ и согрѣваютъ наше сердце; изъ нихъ можно почерпнуть силу для своей мысли, одушевленіе для важнаго подвига, самостоятельный образъ мыслей и энергію. Въ нихъ чувствуется дыханіе жизни. Они даютъ толчекъ правильному и благотворному мышленію, вырабатывающему воззрѣнія, основанныя на дѣйствительныхъ фак-

тахъ; они, наконецъ, содѣйствуютъ переходу мышленія въ убѣжденіе, а убѣжденію въ дѣло. „Чтобы питать свою мысль и волю подобными произведеніями, полными интеллектуальной силы и вдохновляющими на благородные поступки, необходимо твердо держаться правила читать лишь хорошія книги“. (*Блекки*). „Пусть каждый, если возможно, собираетъ въ своемъ жилищѣ хорошія книги или добивается доступа въ какую-либо хорошую общественную читальню. Ради книгъ можно пожертвовать любой роскошью. Ибо коллекція хорошихъ книгъ — это тотъ-же университетъ. Главнымъ образомъ мы должны стараться приобрѣтать сочиненія людей высоко-нравственныхъ и глубокоубѣжденныхъ, истинныхъ мыслителей, которые, вмѣсто пережевыванія и повторенія сказаннаго раньше другими, изрекаютъ что-либо самостоятельное и пишутъ ради того, чтобы излить свою душу, глубоко проникнутую истиною; творенія такихъ писателей нельзя читать поверхностно лишь только для удовольствія; ихъ должно читать со средоточеннымъ вниманіемъ и благоговѣйною любовью къ истинѣ. Въ выборѣ книгъ намъ могутъ помочь люди, стоящіе выше насъ по степени ихъ образованія. (*Чаннингъ*). Можно также руководствоваться при выборѣ книгъ и вкусомъ массы читателей. У книгъ, какъ и въ животномъ или растительномъ царствахъ, есть также борьба за существованіе“ (*Леббокъ*). Эмерсонъ предлагаетъ три практическихъ правила при выборѣ чтенія: вопервыхъ, не

читать книги, отъ выхода которой не прошло еще года; во 2-хъ, читать только знаменитыя книги; въ 3-хъ, читать только то, что вамъ нравится“. „Изъ произведеній научныхъ читайте преимущественно новѣйшія книги, изъ литературныхъ — старѣйшія“. (Совѣтъ *Бульвера Литтона*).

„Въ Европѣ человѣкъ, охваченный жаждой чтенія, не накинется безъ разбора на книги—съ невѣдѣніемъ дикаря на все, что попадаетъ ему подъ руку, чтобы сразу поглотить всѣ тайны жизни; и потому съ нимъ не возможно то, что постоянно и до сихъ поръ повторяется съ русскимъ читателемъ, стремящимся къ самообразованію, т. е. что именно отъ чтенія-то, въ которомъ онъ искалъ просвѣтленія, онъ и становится въ тупикъ отъ полнѣйшаго непониманія всего окружающаго, а равно и своихъ стремленій къ поставленному впереди какому то идеалу. Нужно знаніе, съ помощью котораго эти идеальныя стремленія получили бы ясную и опредѣленную цѣль, чтобы видно было, къ чему мы стремимся. Приступая съ точнымъ представленіемъ къ чтенію, читатель уже не растеряется ни въ хаосѣ понятій, ни въ хаосѣ книгъ, и сумѣетъ самъ найти свою дорогу въ лабиринтѣ, какимъ ему еще и до сихъ поръ представляется чтеніе“.

„Одно есть общее правило, на которое указать можно и котораго у насъ, къ сожалѣнію, не держатся: не читать того, что не по силамъ, что трудно пони-

мается или совсѣмъ представляется темнымъ. Итакъ, прежде всего—чтеніе по силамъ, чтеніе не торопливое, чтеніе не изъ побужденія честолюбія сдѣлаться умнымъ, потому что съ подобными второстепенными задачами легче всего дочитать до переутомлѣнія и заглуплѣнія; наконецъ—чтеніе съ яснымъ и сознательнымъ представленіемъ о томъ, что оно можетъ дать, а не съ мечтательною и обольщающею иллюзіей, что есть двѣ-три книжки на свѣтѣ, которыя, какъ прочитаешь, такъ и поймаешь мѣсяць за рога. Такихъ книгъ на свѣтѣ нѣтъ. Чтеніе есть работа всей жизни, оно есть общеніе съ лучшими, чѣмъ мы, умами и постоянное удовлетвореніе вѣчной неуспокоивающейся потребности нашего познающаго духа, стремящагося проникнуть въ жизнь и охватить всѣ ея подробности. Поэтому, задача чтенія есть самая реальная задача нашего умственнаго существованія, выполненіе которой вполнѣ обусловливается нашими умственными силами и душевными потребностями. Велики въ насъ эти силы,—много соберемъ внутри себя и умственныхъ сокровищъ; но, главнѣе всего, не обольщайтесь на счетъ своихъ силъ и не нарушайте натугой очереди понятій. Трудна вамъ книга,—отложите ее: это значитъ, что вы еще недоросли до ума ея автора. Будетъ трудна и черезъ годъ,—опять отложите и не стыдитесь, что вы ее не въ состояніи понять. Гете можно читать всю свою жизнь—до 70—80 лѣтъ и каждый годъ находить въ немъ все новое и новое. Это

значить только, что читатель растетъ изъ года въ годъ, поднимаясь шагъ за шагомъ до высоты ума Гете. Дѣтскою наивною и юношескою самоувѣренностью было бы воображать себя въ 20 лѣтъ ровней геніальному мыслителю въ пору высшаго развитія его силъ. Сама жизнь сдѣлаетъ намъ указаніе, что читать и въ какомъ порядкѣ, чтобы шагъ за шагомъ, начиная съ простѣйшихъ, постепенно дойти до высшихъ понятій, какими мы въ силахъ овладѣть. Люди различныхъ силъ остановятся и на различныхъ точкахъ развитія, хотя всѣ пойдутъ отъ одного пункта. Воспитать себя, значитъ создать полную законченную, безъ всякихъ пробѣловъ сѣть представленій на жизнь и всѣ ея отношенія“.

(Шелгуновъ).

Знахіе и самообразовахіе.

„Знаніе есть сила, избавляющая насъ отъ многихъ страданій“.

(Левбоксъ).

„О, счастливъ тотъ, кому дана отрада—
Надежда выбратъся изъ непроглядной тьмы!
Что нужно намъ—того не знаемъ мы;
Чтожъ знаемъ мы—того для насъ не надо“.

(Гете. „Фаустъ“).

Огромное большинство людей очень мало знаютъ и очень плохо мыслятъ. Вслѣдствіе первой причины они сплошь и рядомъ стучатся въ отворенную дверь, дѣлаютъ давно сдѣланныя открытія. Вслѣдствіе второй причины они оказываются рѣшительно не въ силахъ соединить въ одно стройное цѣлое свои собственныя мысли и знанія“. А между тѣмъ развитіе человѣка заключается не столько въ приобрѣтеніи большого количества знаній, сколько (что гораздо болѣе важно) въ умѣньи организовать эти знанія; для организаціи же ихъ требуется время и самостоятельное мышленіе. — Дорого не то знаніе,

которое накапливается какъ умственный жиръ, а то, которое можетъ переработаться въ умственный мускулъ“, (*Спенсеръ*).

„Главные источники знанія суть опытъ и наблюденіе и затѣмъ книги; и эти источники имѣются въ распоряженіи каждаго человѣка. Наиболѣе плодотворнаго результата отъ приобрѣтенія знаній достигнетъ тотъ, кто сумѣетъ открыть и устремить свои взоры и вникнуть во все совершающееся какъ вокругъ его, такъ и въ немъ самомъ. Книги въ этомъ случаѣ полезны, главнымъ образомъ, потому, что помогаютъ намъ истолковать то, что мы видимъ и испытываемъ. Если же вниманіе человѣка всецѣло поглощено изученіемъ только научныхъ сочиненій и умъ его отвлекается отъ наблюденій надъ природой и жизнью, то книги служатъ лишь къ тому, чтобы породить иногда ученый сумбуръ въ головѣ, которому всегда надо предпочесть здравый разумъ простаго наблюдательнаго и вздумчиваго человѣка“. (*Чаннингъ*). „Ибо ученость сама по себѣ сообразительности нашей не увеличиваетъ: напротивъ, обременяя наше вниманіе, она можетъ уничтожить послѣднюю нашу сообразительность“. Такимъ образомъ „огромнѣйшая масса познаній, если онѣ не переработаны собственнымъ мышленіемъ, имѣютъ гораздо менѣе цѣнности, чѣмъ значительно меньшее количество свѣдѣній, но глубоко и многосторонне продуманныхъ“. „Особенную же цѣнность въ этихъ познаніяхъ имѣетъ именно

то, что было продумано человекомъ прежде всего просто для самого себя". (*Шопенгауеръ*).

По мнѣнію Гиббона „у каждого есть два образованія:—одно, полученное отъ другихъ, а другое, болѣе важное, пріобрѣтенное имъ самимъ“. „То, чему мы научаемся сами, дѣйствительно, должно быть полезнѣе того, чему мы учимся отъ другихъ“. (*Леббокъ*). „Ибо знаніе, добытое собственнымъ трудомъ, запечатлѣвается такъ прочно, какъ никакіе чужіе рассказы“. (*Бостремъ*). „Не надо забывать сверхъ того, какое нравственное усовершенствованіе ведетъ за собой постоянная осмысленность и самодѣятельность при усвоеніи знаній. Мужество при преодолѣніи трудностей, упорно сосредоточенное вниманіе, устойчивость при неудачахъ, — все это характеристическія черты, въ высшей степени необходимыя въ послѣдующей жизни. Ибо успѣхъ въ жизни зависитъ болѣе отъ личной энергіи, чѣмъ отъ количества знаній. Непреклонная воля и неутомимая дѣятельность, питаемая обильной животной силой, въ состояніи вознаградить значительные пробѣлы воспитанія, и обеспечиваютъ всякую побѣду надъ соперниками, истощенными чрезмѣрнымъ ученіемъ, какіе бы они ни были феномены учености.—Сравнительно маленькая и грубо устроенная машина при высокомъ давленіи можетъ вдвое болѣе поработать, чѣмъ большая, хорошо устроенная, машина, при низкомъ давленіи“. (*Спенсеръ*). „Умственное развитіе дѣлаетъ человека болѣе способ-

нымъ примѣняться къ обстоятельствамъ, и болѣе изобрѣтательнымъ въ борьбѣ съ природою и въ жизненной борьбѣ; оно научаетъ его усовершенствованнымъ видамъ труда, даетъ силы и умѣнье въ цѣлесообразномъ пользованіи законами природы и вообще сообщаетъ ему большую ловкость и успѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ". (*Бостремъ*). „Въ исключительно-же количественномъ приращеніи знаній больше балласту, чѣмъ дѣйствительной пользы. Куча камней не превратится въ зданіе, если будете ежегодно увеличивать ее. Напротивъ, тѣмъ труднѣе оріентироваться въ ней, и возведеніе зданія поневолѣ откладывается въ долгій ящикъ". (*Геккель*). И если чистый эмпирикъ-ученый, производящій только опыты, наваливаетъ беспорядочную груду камней, то, съ другой стороны, чистый философъ строитъ воздушные замки, не выдерживающіе малѣйшаго дуновенія эмпирии. Одинъ довольствуется сырымъ матеріаломъ, другой планомъ зданія". И ни тотъ ни другой, такимъ образомъ, не имѣетъ общаго, хотя бы и не обширнаго, но цѣльнаго и правильнаго воззрѣнія на природу, ея жизнь и ея законы. А между тѣмъ въ этомъ именно и заключается главная цѣль всѣхъ нашихъ познаній и нашего всесторонняго развитія.

Для того, чтобы нашъ умъ не могъ потеряться въ эмпирическихъ подробностяхъ кропотливаго анализа, не барахтался бы беспомощно подъ грудою сырого матеріала и, съ другой стороны, не расплывался бы въ

философскихъ воздушныхъ мечтаніяхъ и проблемахъ, мы должны въ приобрѣтеніи знаній держаться болѣе существеннаго и важнаго для нашего развитія направленія. Прежде всего мы должны твердо помнить, что есть знанія болѣе важныя и есть знанія второстепенныя. Мудрость, по мнѣнію Л. Толстого, въ томъ и состоитъ, чтобы различать, какія изъ знаній наиболѣе и какія наименѣе важны. И приобрѣтеніе первыхъ наиболѣе необходимо, чѣмъ вторыхъ".—Брумъ говоритъ: „нужно знать все о чемъ нибудь и что нибудь обо всемъ“. Несомнѣнно, знать что нибудь обо всемъ—вещь весьма пріятная и полезная, но все знать должно о чемъ нибудь наиболѣе существенномъ и цѣнномъ. „Знаніе законовъ жизни несравненно важнѣе многихъ другихъ знаній; а знаніе, прямо ведущее насъ къ самоусовершенствованію и самосохраненію, есть знаніе первѣйшей важности“. (*Спенсеръ*). По ученію Л. Толстого, „изъ всѣхъ знаній, нужныхъ человѣку, самое главное есть знаніе того, какъ жить, дѣлая возможно меньше зла и какъ можно, больше добра; и изъ всѣхъ искусствъ самое важное то, которое учитъ избѣгать зла и производить благо съ наименьшимъ усиліемъ“. Иными словами—для человѣка въ жизни наиболѣе необходима наука (если бы таковая существовала) о томъ, какъ дѣлать болѣе добра и быть болѣе счастливымъ. Знанія изъ этой области охватываютъ нравственную жизнь каждой отдѣльной личности и потому цѣннѣе всякихъ

профессіональныхъ знаній, хотя и эти послѣднія также необходимы для практической жизни человѣка, ибо знаніе есть сила, избавляющая его отъ многихъ страданій и доставляющая ему много удобствъ въ жизни. „Знаніе, напримѣръ, электрическаго телеграфа сберегаетъ время; знаніе письма сберегаетъ человѣческую рѣчь и движеніе; знаніе домашней экономіи сберегаетъ заработокъ; знаніе санитарныхъ законовъ сберегаетъ здоровье и жизнь; знаніе законовъ ума сберегаетъ мозгъ отъ утомленія, а знаніе законовъ духа—чего только оно не сберегаетъ?“ (*Кинсли*).

* *
* *

„Наибольшая часть человѣческаго знанія вообще и во всякомъ родѣ существуетъ только на бумагѣ въ этой бумажной памяти человѣчества; и только ничтожная часть его дѣйствительно живетъ въ нѣкоторыхъ головахъ въ каждый данный періодъ времени. Это зависитъ отъ краткости жизни, а также отъ косности людей и пристрастія ихъ къ наслажденіямъ. Каждое быстро промелькающее поколѣніе забираетъ изъ человѣческаго знанія только то, что ему нужно на его краткомъ пути жизни и, попользовавшись нѣкоторыми знаніями, сходить съ жизненной арены, освобождая мѣсто новымъ поколѣніямъ и передавая въ ихъ пользованіе наслѣдіе своихъ отцовъ—всю сумму человѣческихъ знаній, заключенную въ письменахъ несмѣтныхъ томовъ“. „Поэтому, бібліотеки есть вѣрная и неизгладимая память человѣ-

ческаго рода“. Но библіотеки такъ обширны, а человѣческое знаніе настолько неизмѣримо во всѣ стороны, что даже и изъ того, что достойно знанія, никто въ одиночку не можетъ знать и одной тысячной доли“. (*Шопенгауеръ*. „Афоризмы“) Поэтому для того, чтобы доставить возможность одному человѣку собрать въ своей головѣ возможно большее количество знаній, необходимыхъ для полной жизни его и для истиннаго его счастья, слѣдовало бы изо всѣхъ грудъ вѣками накопленнаго книжнаго наслѣдія выбрать лишь существенныя знанія, сдѣлать изъ разрозненныхъ знаній надлежащіе выводы и обобщенія (которыя откроютъ новыя и болѣе широкія идеи) и, по приведеніи ихъ въ совершенную, наилучшую систему, предложить въ сжатомъ видѣ, въ тысячѣ книгъ, молодому поколѣнію. „Ибо обширная, но не приведенная въ порядокъ библіотека, не можетъ принести столько пользы, какъ хотя бы и весьма умѣренное, но хорошо подобранное книгохранилище“. (*Шопенгауеръ*).

* *
* *

Для человѣка жаждущаго всесторонняго саморазвитія, достойнымъ предметомъ его постоянныхъ стремленій должно быть приобрѣтеніе знаній всеобъемлющихъ, универсальныхъ, охватывающихъ суть жизни природы и человѣка, а не знаній замкнутыхъ исключительнымъ кругомъ какой либо одной узкой практической специальности „Такъ называемый чистый специалистъ —

всегда человекъ ограниченный; хуже,—онъ въ извѣстномъ смыслѣ человекъ искусственный, креатура (созданіе) техническихъ навыковъ и специальныхъ свѣдѣній, одинаково далекая какъ отъ великихъ истинъ природы, такъ и отъ здороваго вліянія человѣческаго общенія. Въ обществѣ такой специалистъ, хотя будь онъ изъ самыхъ способныхъ, играетъ роль ничтожную, потому что человѣчность свою онъ похоронилъ въ своей профессіи; онъ кожевникъ и умѣетъ говорить только о кожѣ, онъ ученый, отъ котораго несетъ книжной плѣсенью, какъ отъ закоронѣлаго курильщика табакомъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы, очертя голову бросаться на чисто специальное занятіе, молодой человекъ сдѣлаетъ лучше, если станетъ по возможности избѣгать отупляющаго вліянія ученаго ремесленника. Пусть онъ весело ширитъ крылья свои въ болѣе просторной сферѣ, покуда можетъ“ (*Блекки*). „Лучшія предохранительныя средства отъ заѣдающей силы чисто специального занятія заключаются въ здоровыхъ вліяніяхъ общества, въ трудѣ и постоянномъ общеніи съ великими писателями, особенно поэтами и историками, чисто человѣческія мысли которыхъ „обогащаютъ кровь міра“ и расширяютъ кругъ взаимнаго пониманія“. Бодрія жизненныя силы зоркое наблюденіе, разнообразный опытъ, широкія знанія и разностороннее развитіе—вотъ что важнѣе всякаго специального изученія отдѣльнаго предмета. Поэтому человекъ, который всѣми мѣрами стремится къ тому,

чтобы всесторонне развить свой умъ, всѣ свои силы и способности, въ особенности же наиболѣе благородныя, который хочетъ сдѣлаться существомъ уравновѣшеннымъ, сильнымъ и болѣе благороднымъ,—такой человекъ дѣйствительно достигаетъ этой цѣли путемъ настойчиваго саморазвитія.

Для молодого человекѣка, ищущаго естественнаго пути къ развитію, ничего не можетъ быть хуже, какъ заняться критиканствомъ, домогаться бесплодной привилегіи „ничему не удивляться“ (*nil admirari*). „Для юноши первымъ занятіемъ должно быть отыскиваніе повсюду не ошибокъ, а красотъ. Всякая критика, достойная этого названія, есть зрѣлый плодъ основательнаго знанія и долгаго опыта. Поэтому возмущаешься невольно, когда видишь, что молодой человекъ, за которымъ еще нѣтъ никакихъ заслугъ, занимается отыскиваніемъ ошибокъ въ сочиненіяхъ людей, болѣе или менѣе заслуженныхъ, и это называютъ критикой“.— „Никто, конечно, не отнимаетъ у молодыхъ людей права имѣть и свой взглядъ на вещи, они конечно должны „смѣть свое сужденіе имѣть“, но изъ этого не слѣдуетъ, что взгляды ихъ и сужденія должны появляться въ печати. Печатныя мнѣнія человекѣка мало опытнаго могутъ только вводить публику въ заблужденіе и развращать душу ищущаго“. Съ другой стороны „привычка находить во всемъ только смѣшную сторону есть самый вѣрный признакъ мелкой души, ибо смѣшное, какъ

было замѣчено еще Аристотелемъ, лежитъ всегда на поверхности“. И наоборотъ, „чѣмъ благороднѣе и возвышеннѣе наша душа, тѣмъ выше и благороднѣе ея воспріятія и тѣмъ больше она видитъ больше отыскиваетъ хорошаго“. (*Тэйлоръ*).

„Для юноши, стремящагося къ лучшему саморазвитію, достойнымъ предметомъ его желаній должно быть не знаніе вообще или чего нибудь безъ различія, но знаніе высокаго, прекраснаго и добраго“. (*Блекки*). „Въ юношескомъ возрастѣ всѣ впечатлѣнія такъ сильно воспринимаются душой и дѣйствуютъ на волю, что человѣкъ какъ бы уподобляется музыкальному инструменту, который настраивается струна за струной и дома, и въ школѣ, и въ обществѣ, каждымъ событіемъ, каждымъ словомъ, каждой прочитанной книгой“. (*Бьернсонъ*). „Мы должны, поэтому, быть осторожны относительно того, на чемъ позволяемъ сосредоточиваться нашему уму. Душа получаетъ окраску отъ своихъ мыслей и мы не можемъ соблюсти чистоты нашего ума если допускаемъ осквернять его подробными разсказами о мерзостяхъ и преступленіяхъ“. (*Леббокъ*).

„Какъ умъ развращается, точно также портится и чувство. Хорошія бесѣды ихъ образуютъ, а дурныя портятъ“. (*Паскаль*). „Для того-же, чтобы облагородить и, такъ сказать, воспитать свой умъ и въ немъ находить для себя хорошее общество, мы должны наполнить его мыслями чистыми и добрыми, пріятными воспоминаніями“.

наніями о прошломъ и разумными надеждами на будущее“. (*Леббокъ*). Хорошія книги — лучшее средство для этой цѣли. И напротивъ, «мы не можемъ,—говорить Дж. Леббокъ,—сохранить въ непорочности наши мысли, если питаемъ ихъ зловредными описаніями преступленій и грѣха“. — Разовьемъ эти мысли, имѣющія важное значеніе для самовоспитанія, нѣсколько подробнѣе. — Я могу и долженъ для своего личнаго счастія: отвращать свой взоръ отъ картинъ грязи, звѣрства и пошлости, отъ фигуръ и лицъ глупыхъ, дикихъ, искаженныхъ нравственнымъ безобразіемъ и, потому, крайне несимпатичныхъ; уклоняться отъ выслушиванія всякаго пошлаго, низкаго разговора, безчестныхъ пересудъ, сплетенъ и т. п.; оберегать свой умъ отъ внушенія скверныхъ чужихъ мыслей, безтолковыхъ сумасбродныхъ идей и отъ передумыванія о всякой мерзости. — Съ другой стороны, я долженъ для своего личнаго счастія: доставлять своему зрѣнію возможность больше останавливаться на картинахъ прекраснаго и возвышеннаго, на лицахъ симпатичныхъ, свѣтящихся умомъ, добротой и благородствомъ; внимать рѣчамъ здравымъ, доброжелательнымъ и кроткимъ,—стараться наполнять свой умъ свѣтлыми знаніями и держать полетъ своей мысли на предметахъ болѣе возвышенныхъ и чистыхъ. Ибо, что попадетъ въ впечатлительную душу человѣка, доброе или худое, то въ немъ и будетъ храниться и вращаться въ его мысляхъ. Если человѣкъ восприметъ больше

прекраснаго и благороднаго, чѣмъ худого, то онъ стаетъ ближе къ совершенству и, слѣдовательно, ближе къ счастью, такъ какъ онъ по необходимости живетъ содержаніемъ своего ума; если-же въ сознаніе человѣка войдетъ большая половина дурныхъ впечатлѣній,—то оно невольно будетъ больше вращаться въ сферѣ этихъ послѣднихъ и, слѣдовательно, будетъ дальше отстоять отъ мыслей свѣтлыхъ и возвышенныхъ. Такимъ образомъ, отъ достоинства, а не количества впечатлѣній, знаній, мыслей и всего вообще душевнаго содержанія человѣка зависитъ большее или меньшее его счастье, большее или меньшее его страданіе.

Живя въ обществѣ, нельзя, конечно, избѣгнуть нежелательныхъ встрѣчъ, а подчасъ и скандальныхъ сценъ, но за то можно свободно до минимума сокращать для себя продолжительность впечатлѣній подобнаго сорта и во всякомъ случаѣ не останавливаться на нихъ, игнорировать ихъ и пропускать ихъ мимо себя такъ, чтобы они какъ бы проскальзывали по нашему мозгу, не оставляя въ немъ рѣзкаго слѣда и не бросая грязи въ наше сознаніе.

Всякій взрослый и здравомыслящій человѣкъ сумѣетъ оградить себя отъ дурныхъ вліяній, сообществъ и зрѣлищъ, но дѣти, конечно, не имѣютъ ни собственнаго критерія, или мѣрила о достоинствѣ явленій, ни силы воли дѣлать произвольный выборъ въ впечатлѣніяхъ. Какимъ вліяніямъ они подвержены, тѣми и запол-

няется ихъ душа. Поэтому неотъемное и величайшее благодеяніе для будущности и счастья дѣтей совершать тѣ родители и воспитатели, которые всѣми силами будутъ стараться ограждать чистую душу ребенка въ теченіе всего невиннаго его возраста отъ дурныхъ вліяній, впечатлѣній и сообществъ, а лучшія—доставлять имъ. Только такимъ путемъ дѣти получаютъ здоровыя жизненныя соки для своего умственнаго и нравственнаго роста и духовной красоты.

50 грн 00к

Того-же автора:

- 1. Самообразование и книги. (48 стр.) . . . 15 к.
- 2. Характеръ и вѣжливость. (48 стр.) . . . 15 к.
- 3. Веселый нравъ и мужество. (32 стр.) . 10 к.
- 4. Здоровье, бодрость духа и ихъ
враги. (46 стр.) 15 к.
- 5. Изученіе челоуѣка и выборъ друзей.
(64 стр.) 20 к.
- 6. О любви и высшей радѣсти. (74 стр.) . 25 к.
- 7. Счастье семьи и дѣтей. (88 стр.) . . . 25 к.
- 8. Трудъ и богатство. (36 стр.) 10 к.
- 9. Успѣхъ жизни и практическая
мудрость. (78 стр.) 25 к.
- 10. Въ чемъ счастье. (44 стр.) 15 к.
- 11. Возврѣнія на природу и чело-
уѣка. (120 стр.) 50 к.

Книги эти продаются въ лучшихъ магазинахъ и на
ж. д. станціяхъ, въ кіоскахъ, и у АВТОРА
уголь Б.-Владимір. и Фундукл. ул., д. № 17 „Отель Франсуа“

Требованія адресовать: **Кіевъ, Почтовый ящикъ 244.**
С. И. ВОСКРЕСЕНСКОМУ.

Кн. высыл. налож. платеж., безъ приплаты вѣ-
совыхъ; мелочь—марками,

Магазинамъ скидка 20⁰/₀ комис., а за налич. 30⁰/₀

